

Дуань Цичи прищурился:

— Что ты сказал?

Здоровяк рассмеялся, будто услышав невероятную шутку:

— Вы столько времени ели и спали в одном военном лагере, неужели до сих пор ничего не заметили?

Кто-то громко хохотнул:

— Какая же это пустая трата! В вашем лагере столько солдат, пышущих янской энергией, почему бы вам не опоить Главу Цзи да не попробовать его пустить по кругу? Должно быть, это райское блаженство — задери подол, и всё сразу станет понятно!

Главарь здоровяков начал было:

— Да у него там, внизу —

Речь не успела оборваться, как две серебристые вспышки молниеносно рассекли воздух, подняв два вихря свирепого, пронзительного ветра.

Голова главаря здоровяков покатилась по земле, а из ровного среза на шее фонтаном забил алый кровяц высотой в три фута.

Взгляд Дуань Цичи был свирепым, жестоким и до ужаса зловещим. Не мигая, он смотрел на обрубленное тело, на лице которого ещё застыла злая усмешка.

Цзи Сюэмянь опустил хну. Ассасин, который только что смеялся громче всех и сквернословил хуже прочих, испустил дух: его шея была переломана наполовину, и голова, едва держась на лоскутах кожи у плеча, безвольно болталась.

Однако Цзи Сюэмянь даже не взглянул на убийцу. Он лишь опустил прекрасные глаза, а его веки в тишине налились яркой краснотой.

Не произнеся ни слова и даже не попрощавшись, Цзи Сюэмянь развернулся и ушёл.

Лань Шэнь хотел последовать за ним, но вдруг почувствовал, что этот скорбный силуэт уже погрузился в глубокую печаль и безмолвно отвергает его.

Из-за этого Лань Шэнь замер на месте, не зная, как поступить.

Дуань Цичи посмотрел на уходящего в рощу Цзи Сюэмянь и едва заметно вздохнул — на самом дне его сердца словно выросла колючка.

Понизив голос, он приказал Линь Юаню:

— Отведи остальных в Братскую могилу и запрём там, чтобы ни один слух не просочился наружу.

Линь Юаня пробрал лёгкий озноб:

— Слушаюсь, Ванье.

Затем Дуань Цичи разогнал остальных и в одиночестве последовал за Цзи Сюэмянем.

В лесу отражался лишь мягкий лунный свет скраю неба, стоял самый глубокий и росистый ночной час.

В чаще надрывались лишь цикады да сверчки, а меж травинок порхали искорки светлячков. Цзи Сюэмянь сидел под деревом в полном одиночестве, накручивая на палец травинку. Подтянув колени к груди и застыв в тишине, он, казалось, о чём-то думал.

Дуань Цичи уже много лет не видел его таким одиноким.

Лишь в какой-то из ночей их юности Цзи Сюэмянь точно так же сбежал из Гоцзыцзяня и сидел в Императорском саду, глядя на луну и погружаясь в задумчивость.

Позже Дуань Цичи узнал, что Поместье Цзи было дотла сожжено Пауком, и его родители со слугами, включая маленького котёнка, которого он вырастил с детства, погибли в огненной пучине.

— Зачем Ванье увязался следом? — услышав шаги, Цзи Сюэмянь не обернулся, лишь равнодушно бросил.

Дуань Цичи не нужно было подбирать слова, он лишь искренне произнёс:

— Ни к чему. Просто подумал, что Сылин уже в подростковом возрасте умел голыми руками убивать врагов, и твоей отваге можно только позавидовать.

Цзи Сюэмянь тихонько усмехнулся, не подтверждая и не опровергая услышанное, а его голос прозвучал хрипло:

— Если у Ванье больше нет дел, возвращайтесь, пожалуйста.

Дуань Цичи решительно сократил расстояние на пару шагов:

— Разумеется, дело есть.

Линии плеч Цзи Сюэмяня заметно дрогнули, и он произнес дрожащим голосом:

— Если это то, о чем спрашивать не следует, то даже если Ванье спросит, я не отвечу.

Шаги приближались. Цзи Сюэмянь был готов к этому, но в тот самый момент, когда он обернулся, Дуань Цичи резко присел перед ним на корточки и прижал к траве, не давая подняться.

Зрачки Цзи Сюэмяня мгновенно сузились. Не сумев оттолкнуть Дуань Цичи, он был вынужден холодно спросить:

— Что это Ванье вздумалось делать?

Перехватив тонкие запястья Цзи Сюэмяня, чтобы тот не вздумал драться, Дуань Цичи опустил взгляд и тихо вздохнул:

— У меня, мол, убогие познания и поверхностное образование, вот я и не знаю, о чём это спрашивать нельзя?

Глаза Цзи Сюэмяня были совершенно красными — очевидно, он только что выплакался вдоволь. Видя, что Дуань Цичи наглеет всё больше, он сдержал порыв сорваться на крик и выровнял дыхание.

— Тогда почему Ванье только что не дал тому человеку договорить? — с горькой усмешкой произнес Цзи Сюэмянь. — Если бы он досказал, разве ты не узнал бы всё сам?

Улыбка Дуань Цичи была высокомерной и сквозила непреклонным бунтарским духом. Он тихо прошептал:

— Я хочу увидеть всё своими глазами.

— Не позволю.

Собрав силы, Цзи Сюэмянь уперся коленом ему в бок, пытаясь оттолкнуть, но Дуань Цичи пресек это движение.

— Тебе нельзя смотреть.

В голосе Дуань Цичи слышалась неукротимая, хриплая глубина — судя по всему, из-за недавно выпитого вина. Поблескивающий шлейф густого, пьяного аромата витал между ними, — спросишь, на что тут смотреть? Чего ты боишься?

Цзи Сюэмянь отвернулся, сохраняя жесткий настрой. Помолчав немного, он наконец произнес:

— Тебе необязательно знать.

У Дуань Цичи накопилось слишком много вопросов.

Вино было теплым, и дыхание человека — тоже теплым.

Но Цзи Сюэмянь держал его на расстоянии тысяч ли.

Ночь выдалась прохладной, и от Цзи Сюэмяня вновь повеяло прохладным, мрачным ароматом, в который примешивалась сладковатая нотка. Этот запах, выступивший вместе с потом на его коже, настойчиво и тягуче вился вокруг носа Дуань Цичи, совершенно не вяжась с этим холодным, неприступным человеком.

— А что насчет запаха твоего тела? Его тебе тоже не нужно знать? — мягко провел пальцем по его воротнику Дуань Цичи. — Какой нормальный мужчина, проскакав тысячу ли до Наньцзяна, станет специально пропитывать одежду благовониями?

Цзи Сюэмянь покраснел:

— Кажется, Ванье это не касается. Или Ванье и вправду думает, что мы настолько близки?

Уже много лет никто не смел называть Дуань Цичи полным именем. Услышав это вот так внезапно, он действительно замер, а затем вперил в Цзи Сюэмяня пытливый взгляд.

Словно ястреб, заприметивший добычу и не позволяющий шустрому кролику выпрыгнуть на открытое пространство и ускользнуть из поля зрения:

— И то верно, не близки.

— Тогда прошу Ванье удалиться, — не терпящим возражений тоном ответил Цзи Сюэмянь.

Хоть он и говорил так, но этот его горделивый вид пробуждал непреодолимое желание прижать его к ногтю, и Дуань Цичи меньше всего на свете хотел подчиняться.

Дуань Цичи был человеком крайне своевольным и лениво протянул:

— Сюэмянь, чем больше ты так говоришь, тем сильнее мне хочется докопаться до истины.

Дуань Цичи открыто смотрел на него, и его взгляд казался почти осязаемым — теплым и обжигающим. Даже выдавший виды Дуань Цичи невольно приподнял брови.

Цзи Сюэмянь запаниковал, его сердце забилося птицей в клетке:

— Ты... что ты задумал?

— Я тут думаю, раз от тебя так сладко пахнет, не связано ли это с кое-какими причинами? — тихо усмехнулся Дуань Цичи. — Например, с тем, что ты — цэру.

Дуань Цичи стер с его кожи капельку пота и словно под влиянием какого-то наваждения поднес кончик пальца к губам и слизал ее.

Лицо Цзи Сюэмяня вспыхнуло, словно красная восковая свеча, ему хотелось умереть на месте.

— Что за чушь ты несешь?

Хотя он был пьян в стельку и не мог пошевелиться, прижатый Дуань Цичи к земле, ему от стыда не хотелось даже говорить.

— Очень сладко. Прямо как ты, — невозмутимо произнес Дуань Цичи.

— Да ты! — в голове у Цзи Сюэмяня гроыхнуло, словно во время землетрясения.

Дуань Цичи снова склонил голову, вовсе не собираясь его щадить:

— Чушь это или нет, возможно, я очень скоро узнаю.

Ночной ветер приятно освежал Цзи Сюэмяня: его кожа была ледяной, а взгляд — обжигающе горячим.

Ночной ветер охлаждал его пальцы ног до онемения, и наконец Дуань Цичи смилостивился и отпустил его, запахнув ему воротник:

— И всё же, все ли цэру пахнут так же сладко, как ты?

Лицо Цзи Сюэмяня пылало так, будто с него вот-вот закапает кровь.

Дуань Цичи разжал его сильные тонкие запястья, и ладони Цзи Сюэмяня, словно нефритовые лезвия, молниеносно взметнулись к шее Дуань Цичи за ухом.

Дуань Цичи отскочил назад, проворный, как леопард:

— Решил убить свидетеля? Не слишком ли поспешно? По крайней мере, стоило подождать, пока я засну!

Цзи Сюэмянь промахнулся, и пока они сцеплялись в схватке, Дуань Цичи продолжал сыпать шпильками:

— Ничего страшного, мне нравится любой ты. Мне плевать, цэру ты или нет, к чему же тогда прятаться от людей?

— Замолчи! Хватит нести бред! Если ты посмеешь кому-нибудь проболтаться — — Цзи Сюэмянь зажмурился, а зубы его застучали.

На его чистом и нежном прекрасном лице застыл мороз, и он бросил на Дуань Цичи несколько гневных взглядов своими алыми, словно лепестки сакуры, глазами феникса. Спустя мгновение Цзи Сюэмянь всё же взмыл на дерево и, не оглядываясь, направился обратно в военный лагерь.

Сложив руки за спиной, Дуань Цичи проводил взглядом его удаляющуюся фигуру.

Хотя раньше ему не доводилось встречать цэру в столице, он с детства слышал, что помимо мужчин и женщин на свете существуют еще и цэру, способные рожать детей.

Цэру встречались крайне редко, и среди них почти не было тех, кто делал карьеру на чиновничьем поприще или занимался торговлей — в конце концов, ни одна женщина не смогла бы полюбить цэру.

По этой причине обладателей этого пола либо носили на руках сильные мира сего, балуя как драгоценность, либо тиранично использовали люди с дурными намерениями. Обычным людям доводилось даже не видеть их.

Что уж говорить о человеке, который едва перешагнул тридцатилетний рубеж, но уже успел послужить при двух династиях, дослужился до высшего поста Главы Цзи, обучал самого императора и обладал невероятным влиянием и властью.

Дуань Цичи просто никак не ожидал, что этим цэру окажется именно Цзи Сюэмянь.

Тот самый человек, чье перо было безумно дерзким, а рука крепко сжимала меч ради устрашения врагов.

Надо полагать, старшие члены семьи Цзи некогда наставили его, и ради укрепления позиций рода Цзи при дворе ему не позволили проронить ни слова. Следуя стандартам воспитания обычных мужчин, в него вложили все силы и душу, заставив забыть о том, что он — цэру.

В конце концов, если бы правда раскрылась, каждый стал бы сомневаться: способен ли цэру достойно справляться с обязанностями Главы Цзи и Императорского Наставника? Не торгует ли он своей красотой ради власти?

Дуань Цичи почувствовал легкий укол жалости в сердце.

Он был холоден, как одинокая сосна на снежной вершине, и изначально не терпел, чтобы кто-то чужой осквернял его.

План по лишению Цзи Сюэмяня власти... пожалуй, стоило пока отложить.

Дуань Цичи никуда не спешил. Столько лет уже прождал — неужели не пара дней решает дело?

Неспешно дойдя до шатра Цзи Сюэмяня, Дуань Цичи увидел колеблющийся огонек свечи — тот еще не спал.

Он помнил: Цзи Сюэмянь особенно любил читать при свете ночника, так повелось с самого детства. Когда все остальные уже спали, он брал книги и уходил в Императорский сад, чтобы почитать еще немного.

Он читал, а Дуань Цичи наблюдал за ним.

Этой ночью всё повторялось сызнова.

<http://bllate.org/book/21919/2277347>